

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 330–335

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 330–335

<https://bonjour.sgu.ru>

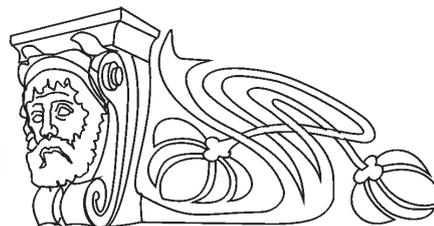
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-330-335>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-3:008(510)

Анализ русской деревенской прозы и ее места в культурном пространстве Китая

Мэн Ци

Российский университет дружбы народов (РУДН), Россия, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Мэн Ци, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, 934329397@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9383-1633>

Аннотация. В современной России бытует мнение, что Китай взял для себя все самое лучшее от СССР: идеи равенства граждан, социалистическое устройство государства, борьбу с коррупцией, культурные тенденции, тенденции в образовании. Русская деревенская проза вошла в школьную программу Китая, как на своей Родине в России. Деревенская проза близка по духу основной массе населения китайских провинций. Идеи и тенденции, волнующие русского человека, не могли оставить равнодушными жителей Китая. Огромное влияние русской словесности на национальную литературу Китая происходило с 1917 г.; на примере произведений русской литературы население КНР осознавало необходимость перемен, писатели поняли основы создания новой, современной литературы. В 1990-х гг. место русской деревенской прозы было так велико, что население Китая воспринимало ее как свою родную литературу. В КНР ценятся произведения В. Астафьева, В. Распутина, В. Шукшина, изучаются особенности их писательского слога. Произведения, написанные в жанре деревенской прозы, имеют большое значение для граждан Китая, они выпадают из привычного жанра, сохраняют историческую память народа, показывают трагедии времен коллективизации, тяготы военного времени тыловиков, восстановление разрушенного государства и др. Деревенский быт завораживает своей простотой. Отрываясь от своих корней, разрушая внутрисемейные связи, увлекаясь противоположными направлениями и идеями, герои произведений российских авторов делают себя несчастными, но понимание ошибки приходит поздно, вместе с раскаянием, либо не приходит совсем.

Ключевые слова: деревенская проза, сельская проза, «литература родных краев», Китайская Народная Республика, Советский Союз, китайская национальная литература

Для цитирования: Мэн Ци. Анализ русской деревенской прозы и ее места в культурном пространстве Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 330–335. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-330-335>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Analysis of the Russian village prose and its place in the cultural space of China

Meng Qi

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow 117198, Russia

Meng Qi, 934329397@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-9383-1633>

Abstract. In modern Russia it is widely believed that China has adopted all the best from the USSR: the ideas of the equality of citizens, the socialist structure of the state, the fight against corruption, cultural trends, trends in education. The Russian village prose has become part of the school curriculum of China, just as it has done in its homeland in Russia. Rustic prose is close in spirit to the bulk of the population of the Chinese provinces. The ideas and trends that concern the Russian people could not leave the citizens of China indifferent. Russian literature has been influencing the national literature of China since 1917; using the example of the works of Russian literature, the people of China realized the need for change, writers understood the basics of creating new, modern literature. In the 90s, the place of the Russian village prose was so great that the Chinese population perceived it as their native literature. In China, the works of V. Astafyev, V. Rasputin, V. Shukshin are appreciated, the peculiarities of the writers' styles are studied. The works written in the genre of rustic prose are of great importance for Chinese citizens, they fall out of the usual genre, preserve the historical memory of the people, show the tragedies of the times of collectivization, the hardships of wartime logistics, the restoration of the destroyed state, and others. Village life fascinates with its simplicity. Breaking away from his roots, destroying intra-family ties, being carried away by opposing tendencies and ideas, the hero of the works of Russian authors makes himself unhappy, but the understanding of the mistake comes to him late, alongside the remorse, or does not come at all.

Keywords: village prose, rural prose, "country literature", People's Republic of China, Soviet Union, Chinese national literature

For citation: Meng Qi. Analysis of the Russian village prose and its place in the cultural space of China. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 330–335 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-3-330-335>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Литература Китая в разные времена испытывала на себе влияние иностранных авторов. Нравственные ориентиры и человеческие ценности, которые отражены в русской деревенской прозе, имеют заметный и выраженный след в современной китайской литературе, в особенности в направлении сельской прозы, популярной в Китае [1, с. 109].

Один из наиболее известных китайских ученых-литературоведов с мировым именем, переводчик, специализирующийся на современной русской поэзии, и профессор Шанхайского университета иностранных языков Чжен Тиу (郑调), считает, что русская литература благодаря своей нравственной составляющей и духовной близости к подавляющей массе населения Китая имеет внушительный вес в китайской критике и китайском литературном процессе [2, с. 22].

Чжен Тиу поясняет, что в произведениях русской деревенской прозы исторический фон находит наибольший отклик среди китайских читателей. История культурных взаимоотношений России и Китая во многом основана на политизации культурных веяний в обеих странах. Те идеи и тенденции, которые волнуют русского человека, не могут оставить равнодушным жителя Китая, поскольку он видит в них пересечения с судьбой своей страны и своего народа.

Если проследить интенсивность влияния русской словесности на национальную литературу Китая, то можно заметить ее резкое возрастание с 1917 г., когда произошла смена идеалов. Результатом такого влияния стала литературная революция в Китае. Литературная революция связана с деятельностью китайского философа и революционера Ху Ши, который в 1919 г. начал процесс перерождения культурного характера китайской литературы, от монопольного национального фона, обращенного исключительно к своей стране, в сторону романтизма, натурализма, символизма и других популярных в Европе течений. Все эти течения оказали заметное влияние на литературное богатство Китая в начале XX в., но глубже всех европейских тенденций в национальную культуру проникла русская литература.

Уже к 1927 г. произведения русских писателей переводились на китайский язык в больших масштабах, поскольку и в начале XX в., и спустя столетие китайский читатель нуждается в тех эмоциях, которые несет русская деревенская проза. Однако именно после 1917 г. в Китай потянулась революционная пропаганда, которая содержала в себе дух свободы от капиталистического гнета. На примере произведений русской литературы население Китая осознавало необходимость перемен, а писатели – создания

новой, современной литературы в своей стране. Это был опыт, необходимый для развития как новых литературных течений в Китае, так и новой государственности.

Влияние советской литературы на Китай продолжилось и во второй половине XX в., когда уже культурные особенности в литературе носили устоявшийся характер. Однако политическое влияние на литературу в Китае тоже стало прочнее, что значительно осложняло процесс популяризации советских произведений среди китайских читателей.

Таким образом, вплоть до 1990-х гг. место русской деревенской прозы было настолько значительным, что население Китая воспринимало ее как свою родную литературу.

Рассмотрим особенности деревенской прозы, отличающие ее от других направлений в отечественной литературе. Деревенская проза – это направление в литературе, в котором главным предметом изображения является деревенская жизнь в различных ее проявлениях: быт и традиции крестьян, тяготы крестьянского труда, судьбы крестьянских поселений, их связь и противостояние с городом. Исходя из того, что сельское население как в Китае, так и в нашей стране значительно превосходит по численности городское население, то становится очевидной причина популярности деревенской прозы. Более того, данный литературный жанр повествует о жизни родителей и прародителей наших современников, которые были более близки к деревне, нежели к городу и городской жизни.

Деревенская проза начала набирать популярность в Советском Союзе с 50-х гг. прошлого столетия в работах Валентина Овечкина, Александра Яшина и других писателей. С появлением рассказа «Матренин двор» Александра Солженицына деревенская проза достигла небывалого уровня популярности, что позволило создать отдельный жанр, у которого сразу появилось много последователей и ценителей.

В более поздние периоды в данном направлении работали такие великие русские писатели, как В. Шукшин, Ф. Абрамов, В. Белов, В. Распутин, позднее – В. Астафьев и др. В Советском Союзе всех писателей, имеющих отношение к деревенской прозе, объединил журнал «Наш современник».

Деревенская проза как жанр была наиболее востребована и популярна в Китае вплоть до конца 1990-х гг., когда центр внимания общестественности привлекли более проевропейские жанры, содержащие в себе новую жизнь, новые идеи и ценности.

В китайском литературоведении наибольший интерес проявлялся к публикациям советских

авторов деревенской прозы 1950–1980-х гг., а именно В. Астафьева, В. Распутина, В. Шукшина.

Интерес к произведениям Виктора Астафьева и Валентина Распутина объясняется тем, что они создают свою собственную, авторскую картину мира, влияние которого на жизнь человека ярко отобразено в их произведениях. Оба писателя опечалены тем, что русский народ постепенно утрачивает свою духовность, колеблется вера в правильность государственной идеологии. Деревенский быт завораживает своей простотой и в то же время сложными хитросплетениями отношений героев. Все волнующие моменты в произведениях – национальные и религиозные истоки, народная культура и психологические портреты героев – имеют одно начало и одну природу, легко сводимую к теме деревни и ее значению в жизни страны [1, с. 17–18].

Чжао Ян, критик и исследователь русской литературы, отмечает, что В. Распутин сочетает в своих произведениях «наблюдение за человеком, жизнью и обществом», приводя при этом описания бытовой жизни деревень, духовного облика крестьянского населения, и таким образом создает по-настоящему «национальные произведения», в которых ярко проявляются национальный характер и судьба народа [3, с. 15].

В подтверждение того, что русская деревенская проза была и остается близкой китайскому читателю благодаря схожести культурно-исторической парадигмы, можно привести в пример статью Чжан Цзяньхуа, в которой исследователь проводит параллели между повестями В. Распутина «Прощание с Матерой» и «Жизнь» Лу Яо. По мнению Цзяньхуа, оба произведения отражают переходный период в Китае и в России, что проявляется в теме противоречий между двумя укладами жизни – городом и деревней [4, с. 35].

Отрываясь от своих корней, разрушая внутрисемейные связи, увлекаясь противоположными направлениями и идеями, герои произведения ощущают себя несчастным, но осознание ошибки приходит поздно, вместе с раскаянием, либо не приходит совсем. Такой сюжет прослеживается в произведениях почти всех писателей – и Астафьева, и Распутин, и Шукшина. Вопросы единства народа для России были актуальны всегда, а после потрясений Гражданской войны, коллективизации и военного времени они обрели еще большую актуальность. Отношения человека и власти, жизнь простого народа и ее культурная составляющая – также весьма животрепещущая тема, на которую всегда есть что написать каждому из данных писателей [1, с. 14].

Писатели, работающие в жанре деревенской прозы, твердо убеждены, что человек нуждается

в обществе так же, как и общество в целостности идей и мнений, так же, как и государство в людях. Если человек не осознает начал гармонизации и противопоставляет себя обществу, то он неизбежно страдает. При этом совершенно не важно, насколько хорош данный герой: такова судьба всех умных и сильных, смелых и амбициозных, которые решились противопоставить себя обществу.

Прозаики В. Астафьева и В. Распутин столь часто противопоставляют и сравнивают не только потому, что их творчество относится преимущественно ко второй половине XX в. Их произведения отнюдь не ограничиваются этим временем. Исторические рамки событий, описанных в прозе как Астафьева, так и Распутин, простираются и в дореволюционные времена, показывают связь времен в истории одной семьи и в истории целого народа. В жанре рассказа это проследить наиболее удобно, поскольку мы видим судьбу отдельного человека в судьбе целого народа.

Два рассказа, написанных в позднем творческом периоде двух писателей-прозаиков, можно проанализировать в этом отношении наиболее плодотворно, поскольку они позволяют провести параллель и выявить некоторые закономерности. «Пролетный гусь» Виктора Астафьева и «В ту же землю» Валентина Распутин имеют негласный статус рассказов-завещаний, поскольку являются одними из последних на творческом пути каждого писателя.

В рассказе «Пролетный гусь» В. Астафьев озабочен послевоенной судьбой страны и судьбами отдельных осиротевших граждан, одиноких, потерявшихся, пусть взрослых и переживших войну, но практически нежизнеспособных в отсутствии близких людей. Название рассказа очень говорящее и проникновенное: дикий гусь, отбившийся от стаи, не способен выжить. Потеря вожака и своих сородичей для него неизбежно ведет к гибели. Так, два главных героя рассказа, Марина и Данила, после окончания войны предстают перед читателем совершенно растерянными и мечущимися в поисках кого-нибудь, кто станет близким и родным, заменив погибших членов семьи [5].

У В. Астафьева тема потери близкого раскрыта очень тонко, символично. Символичной является и встреча героев на железной дороге, словно на перекрестке путей. Двое молодых, но зрелых людей, готовых к семейной жизни, способных много работать и брать на себя ответственность друг за друга, за детей и за судьбу страны, не просто встречаются – они, как два одиночества, притягиваются друг к другу. Не имея ничего, бывший фронтовик и бывшая

фронтальная медсестра проникаются друг к другу, срastaются израненными душами, прячутся друг в друге от собственного одиночества [1, с. 110].

Не удивительно, что на первый план в сюжете выходят именно растерянность бывших фронтовиков и их страх перед возвращением на малую родину, неизвестность о судьбах родных, пугающее одиночество, суровые условия восстановления разрушенной страны.

В рассказе В. Распутина «В ту же землю» имеет место другое представление о крестьянской жизни – одиночество человека, посвятившего жизнь своей стране. Автор с горечью подчеркивает полнейшее равнодушие людей к чужим проблемам и горестям, утрату даже самых основных нравственных ценностей. Пашута, главная героиня рассказа, хоронит старенькую мать самостоятельно, на пустыре. Не на благоустроенном кладбище, где невозможно соблюсти христианских обычаев, а ночью, на пустыре, но с соблюдением всех ритуалов, которые считает важными. Это ли не одиночество каждого гражданина огромной и сильной державы? Это ли не трагедия? [6].

В дружественном Китае, который в своем историческом развитии только стремился к достижению такого величия своей страны, обездоленность, «непонятость», ненужность граждан государству в определенный период становления не могли остаться незамеченными. Эти произведения обнажают не только русскую душу, они обнажают проблемы государства, как кровоточащие раны, вызывающие дикую боль за судьбу людей. Именно поэтому проза В. Астафьева, В. Распутина близка и интересна китайским литературоведам и читателям.

В работе исследователя русской деревенской литературы Ли Синьмэя отмечается также, что в китайском изучении русской литературы обращается особое внимание на проблематику произведений. Их интерес основан на сходстве, так как произведения и русских, и китайских писателей того времени были сконцентрированы на вопросе выбора нравственных ценностей в период смены эпох, описанию происходящего конфликта между городом и деревней [7, с. 102].

Другой исследователь русской словесности в Китае, Чжоу Цзожень, считает, что именно русская деревенская проза и литераторы, работающие в этой сфере, как никто другой способны показать духовный мир человека. Внешняя простота часто сочетается с богатым внутренним миром человека, и, напротив, внешнее благородство человека оборачиваются пустотой и гнильностью души. Наравне с Лу Синем Чжоу Цзожень считает, что русские писатели-прозаики середины XX в. наилучшим образом умеют показать

широту души русского человека через его грехопадение, истинные мотивы преступлений и обязательное покаяние (цит. по: [4, с. 35]).

В известной повести В. Астафьева «Царь-рыба» поднимаются такие важные темы, как быт и нрав русской деревни, природа и человек. Писатель рисует образы деревенского быта рыбаков, довольно жестокие проявления деревенских нравов: один из героев, Игнатийч, наказывает свою невесту, которая ему изменила. Однако жестокое обращение с девушкой не порицается, наоборот, именно деревенские мужики подговаривают его отомстить. В деревенском укладе слабость относится к личным проблемам, с ней не считаются остальные. Также автор произведения подчеркивает, что человек должен жить в гармонии с природой, относиться к ней с должным уважением. Крестьянин Игнатийч в итоге мучается, что совершил дурной поступок, и через признание своих грехов и раскаяние получает очищение, становится более нравственным человеком. Можно сделать вывод, что автор осуждает грабительское отношение к природе, это выражается в саморазоблачительном внутреннем монологе героя на краю гибели. Спасение Игнатийча, как и спасение человека и природы, по замыслу автора, возможно только после осознания вины и искреннего раскаяния. Человек не царь, а такое же дитя природы, как другие живые существа. Гармония с природой невозможна без обретения гармонии человека с самим собой [8].

Произведения В. Шукшина, как отмечает Ли Синьмэй, отражают стремление русского и китайского сельских обществ не забывать опыт прошлых поколений даже в условиях исчезновения привычного аграрного уклада жизни, поддерживают идеи традиционных добродетелей и нравственных ценностей [7, с. 102].

В. Шукшин заслуживает отдельного рассмотрения. В аспекте одиночества и утраты прошлых ценностей человека очень примечательно произведение «Калина красная». В киноповести одиночество и неустроенность доводят главного героя до тюрьмы, а героиню до того, что она готова соединить свою судьбу с едва освободившимся из тюрьмы человеком. Очевидно, что сюжет «Калины красной» о двух одиночествах, двух главных героях, Егора Прокудина и Любы, является основой для рассмотрения более глубокой идеи – помощь гражданам, попавшим в тяжелые ситуации, со стороны государства.

При внешнем многообразии тем и сюжетов в рассказах деревенских писателей преобладает одна важнейшая доминанта: через жизнь отдельного человека можно проследить судьбу всех людей, представить такие реалистические зарисовки, в которых отразились бы и многовековая

культура народа, и национальный – стоический характер русского человека, и процесс противостояния патриархального уклада деревни как некоего живого процесса так называемой «новой жизни» в образе строящегося, крепнущего государства.

Социальная проблема взаимоотношений деревни и города отражена в рассказе В. Шукшина «Сельские жители», имеющем некоторые сатирические черты. В нем город выступает как воплощение недостижимого идеала для деревенского человека, символ прогресса, а деревня – как материальный и духовный исток городской жизни, его «прародитель». По сюжету рассказа бабка Маланья получает письмо от своего сына – Героя Советского Союза, летчика – с приглашением навестить его в городе. Однако после того, как узнает от соседа о том, каким опасным и тяжелым может быть ее дорога, откладывает поездку до лучших времен, боится лететь в Москву на самолете. Основной идеей рассказа является то, что беспочвенные страхи, чувство инерции порой не позволяют сельским жителям выйти из своего привычного быта, но если они все же находят в себе смелость, то достигают больших успехов – совсем как сын Маланьи, ставший героем, гордостью страны [9].

В своем исследовании об интерпретации творчества писателей деревенской прозы Чжао Цзяньчан отмечает, что этим трем писателям – В. Астафьеву, В. Распутину и В. Шукшину – посвящено более 200 работ, включая научные статьи и диссертационные исследования. Так, можно сделать вывод о том, что исследование деревенской прозы среди ученых-русистов в Китае остается востребованным направлением [10, с. 49].

На данном этапе мы можем провести аналогию с направлением деревенской или сельской прозы в китайской национальной литературе, поскольку в Китае население провинций преобладает по численности над населением городов, следовательно, деревенская проза также востребована здесь, как в свое время в Советском Союзе. Однако история развития данного жанра в Китае несколько отличается. Во-первых, в Китае сельские сюжеты – это отражение социалистического портрета общества, нежели широта души отдельного героя. Главные действующие лица сельской прозы в Китае – это, как и в русской деревенской прозе, крестьяне, рабочие или солдаты, чьи судьбы объединяет место действия – деревня.

Во-вторых, в Китае после Первой мировой войны существовало движение 4 мая, в контексте которого русская литература воспринималась как факел свободы и равенства, как друг и наставник для своей словесности. Китайский

писатель Лу Синь и другие считали русскую деревенскую прозу образцом вдохновения и идеалом зарубежной литературы, несущей идеи национального освобождения и спасения нравственности китайского народа.

В-третьих, корни деревенской прозы в Китае уходят значительно глубже, нежели в Советском Союзе. Начало деревенской прозе положили молодые писатели в середине 1920-х гг. В китайском литературоведении, как указывает в своей статье Н. Г. Аюшева, более актуальным является термин «литература родных краев» или «этнопроза». В Китае этнопроза получила известность благодаря «рассказам о родине» Лу Синя («Снадобье», «Моление о счастье», «Кун Ицзи», «Правдивая история А Кью»). Действия рассказов, подобно рассказам русской деревенской прозы, развивались в маленьких уездах или деревнях. Основой для произведений служила тема крестьянской жизни, полной трудностей. Рассказы Лу Синя были опубликованы несколько раньше произведений Шукшина, Астафьева и Распутина – наибольшая популярность автора пришла на 20-е гг. XX в. Именно благодаря рассказам Лу Синя и их широкой известности появилось большое количество последователей «литературы родных краев» среди китайских писателей: Пэн Цзяхуан, Лу Янь, Сяо Хун, Ван Жэнсю, Шэнь Цунвэнь и др. [11, с. 60].

Писатели, вдохновленные работами Лу Синя, провозглашали идеи стремления к национальному самоосознанию, восстановлению страны и призывали сделать жизнь на своей малой родине лучше. Интересно то, что китайская литература о деревне также прошла определенный путь формирования на протяжении века. Вслед за «литературой родных краев» выделяется «картофельное направление» (Чжао Шули, Си Сю и др.). В 50–60-е гг. XX в. данное направление было представлено авторами из горных западных районов Китая, основными темами их творчества принято считать традиции, быт сельских людей, произведения буквально пронизаны уважением к сельскому человеку и его нравам, жизни в деревне.

Несмотря на то что далее в Китае появлялись и другие ответвления от «литературы родных краев», направление не утратило своей актуальности. С 90-х гг. XX в. произведения несколько видоизменяются: основное место действия – деревня – сменяется на город, деревенские пейзажи возникают как «туристические достопримечательности». Однако «литература родных краев» составляет наследие китайских прозаиков и, как и русская деревенская проза, являются неотъемлемой частью становления литературы в Китае [11, с. 63].

Над развитием жанра в Китае работали достаточно упорно и плодотворно. На уровне Союза писателей Китая здесь обсуждались вопросы о том, как именно деревенская литература может отражать противоречия в обществе, как развивать сюжет, не теряя выдающихся черт героев произведения. Иными словами, требовалось добавить реалистичности не только в сюжеты произведений, но и в образы героев, наполнять произведения второстепенными персонажами, что также добавляло им правдоподобности и сближало с читателем.

Несмотря на то что в Китае деревенская проза появилась раньше, именно советские писатели и их произведения стали ориентиром для улучшения качества и повышения интереса к данному жанру.

В новом тысячелетии ситуация с популярностью русской литературы в Китае стала меняться в лучшую сторону, но популярность деревенской прозы уже была утрачена, по большей части потому, что в этом жанре перестали работать писатели нового времени. Однако произведения деревенской прозы по-прежнему имеют большое значение как для наших сограждан, так и для китайского читателя: они сохраняют историческую память народа, показывают трагедии времен коллективизации, тяготы военного времени для тыловиков и восстановление разрушенной страны, поэтому столь ценны даже в наше время.

В качестве заключения можно сказать, что в течение всего XX в. русская словесность не просто занимала центральное место в китайской литературе, но и оказывала внушительное влияние на развитие культурных взаимоотношений с Китаем. Схожесть в историческом становлении стран также влияла на популярность деревенской прозы у китайского читателя: ведь как в Советском Союзе, так и в Китае главной «силой» революции были именно крестьяне, сельские жители. Среди авторов, чьи произведения пользуются наибольшей популярностью среди критиков и исследователей русской деревенской прозы в Китае, особенно выделялись В. Распутин, В. Аста-

фьев и В. Шукшин. Отражение быта аграрного уклада жизни, крестьянских традиций и смены привычной деревенской жизни на городскую, чуждую в их произведениях находило отклик у многих читателей того времени. Литературоведы Китая рассматривали русскую деревенскую литературу как главный ориентир для развития и сюжетного обогащения собственной словесности и направлений в литературе, таких как «литература родных краев».

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы о литературе и эстетике. М. : Художественная литература, 2017. 250 с.
2. Макина М. Русский советский рассказ : Вопросы развития жанра : учеб. пособие. Л. : ЛГПИ, 1975. 352 с.
3. Чжао Сюе. Рецепция современной русской литературы в китайском литературоведении : дис... канд. филол. наук. Красноярск, 2017. 186 с.
4. Чжан Цзяньхуа. Культурная ориентация и утраченные ценности в почвеннической прозе В. Распутина // Русская литература и искусство. 2008. № 4. С. 34–41.
5. Астафьев В. П. Пролетный гусь. URL: https://librebook.me/proletnyi_gus/vol1/1 (дата обращения: 03.03.2022).
6. Распутин В. Г. В ту же землю. URL: https://mir-knig.com/read_253223-1 (дата обращения: 03.03.2022).
7. Ли Синьмэй. Современная русская литература в Китае : обзор исследований // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 4 (69). С. 102–129. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.69.4.012>
8. Астафьев В. П. Собр. соч. : в 15 т. Т. 6. Царь-рыба. Красноярск : Офсет, 1997. 432 с.
9. Шукшин В. М. Рассказы. М. : Художественная литература, 1979. 384 с.
10. Чжао Цзяньчан. Наказание и спасение : интерпретация прозы В. Астафьева с точки зрения религиозной культуры // Вестник Шаньсиского университета. 2009. № 5. С. 48–51.
11. Аюшева Н. Г. Место «литературы родных краев» в творчестве современной китайской писательницы Чи Цзыцзянь // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010. № 8. С. 61–64.

Поступила в редакцию 13.04.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 06.05.2022
The article was submitted 13.04.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 06.05.2022